

обусловленный характер летописца Пимена, счел нужным указать, что этим он обязан Карамзину. «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умилительная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной ему богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия»; «Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов».⁷⁹

Трудно переоценить это признание Пушкина. Оно драгоценно тем, что писатель категорически, с поразительной четкостью подчеркивает преемственность в развитии историзма в России, устанавливает непосредственную связь между открытиями Карамзина — автора «Истории государства Российского» и своей трагедией «Борис Годунов».

Художественное начало «Истории» позволило раскрыть процесс выработки психического склада русской нации. Главная тема летописи — судьба Русской земли и непрерывная борьба за единство — сосредоточила внимание летописца на роли национального фактора. Отсюда подчеркивание таких самобытных черт русского самосознания, как патриотическая гражданственность, понимание героического как выполнение особой, жизненно необходимой работы по исполнению своего долга перед родиной, как выявление личной заботы о благе родной земли, как способности выходить «из домашней неизвестности», из сферы частных, семейных интересов «на театр народный».

Усилия по раскрытию тайны психического склада нации подвели Карамзина к постижению национального характера. Опираясь на летописи, писатель оказался способным и самостоятельно обобщать опыт истории, и делать из нее извлечения. Должно при этом отметить, что в соответствии с уровнем исторических знаний эпохи в сочинении Карамзина оказался обойденным социальный фактор вообще и его влияние на выработку национального самосознания в частности. В этом отношении он как бы сознательно шел за летописью, которая по своим причинам прошла мимо социального фактора. Проблема социальности и социальности обусловленности человека и его сознания станет злободневной позже — в 1830-е годы. Но, не сосредоточиваясь на выяснении социальных отношений Древней Руси, не понимая их роли, Карамзин все же счел необходимым проследить влияние на национальную жизнь политических режимов прошлого, как они определились в формы княжеского и царского государственного правления. Проблема взаимоотношений народа и власти, вставшая перед Карамзиным в связи с его монархической концепцией,

⁷⁹ Там же, т. 7, с. 74.